Памяти Ивана Владимировича Лопухина

Натан Эйдельман
Журнал «Наука и жизнь»
1986, № 12

"Идет куда-то..."

Он идет куда-то - а возле, рядом
целые поколения живут ощупью, в просонках,
составленные из согласных букв, ждущих звука,
который определит их смысл.
А. Герцен

Герцен удивлял врагов и друзей. Богатый дворянин, унаследовавший после отца крепостных крестьян, несколько сотен тысяч рублей, способный, образованный, достигший, невзирая на дважды налетавшую опалу, приличного чина надворного советника (то есть подполковника); и если бы только захотел, конечно, вышел бы в генералы.

Но не захотел, вышел в революционеры, основал в Лондоне Вольную русскую типографию и отдал всю жизнь борьбе с привилегиями своего сословия.

Это, впрочем, в России уже бывало и до него: декабристы...

Но вот к революционеру, эмигранту Герцену являются решительные люди, ожидающие, что он позовет Русь "к топору", возглавит подполье. Однако Герцен и их удивляет: он отвечает, что не считает себя вправе издалека, в чужой стране указывать российским свободолюбцам, как им действовать и когда выступить. Он говорит и пишет непривычные слова: "*Я вижу слишком много освободителей, я вижу слишком мало свободных людей...*"

Его пропаганда, его газета "Колокол", журналы "Полярная звезда", "Исторические сборники" и "Голоса из России" - все это, по мнению Герцена и преданного друга Огарева, "учебники свободы", где только провозглашаются некоторые принципы, указываются примеры, а дальше уже дело самих российских людей - переводить усвоенные идеи на язык практических действий.

Примеры из прошлого, о которых вели речь вольные издания, также многих удивляли; иные, даже из своих, недоумевали, пожимали плечами.

Когда Герцен говорил о себе (на страницах печатавшихся с продолжением "Былого и дум") - это был пример прямой, наглядный; также были понятны, естественны публикации о декабристах. Само название герценовского журнала "Полярная звезда", силуэты пяти казненных декабристов - все это было достаточно красноречиво...

Однако "Искандер" - Герцен берет широко. Среди его героев - Александр Радищев, чью книгу в Лондоне издают второй раз (через 68 лет после того, как "приговорено" первое издание). Радищев - революционер, предшественник; в одном же томе с его "Путешествием из Петербурга в Москву" Герцен печатает также и совсем другого деятеля, многознающего историка, но при том монархиста, консерватора, крепостника князя Михаила Щербатова. Немало места отдано и княгине Екатерине Дашковой, - конечно, личности яркой, просвещенной, но также не мыслившей России без монархии и крепостного права.

Зачем Герцену, зачем революционной типографии в горячий период общественного подъема, накануне освобождения крестьян, привлекать внимание просыпающейся России к таким старинным деятелям, к столь устаревшим взглядам?

Летом 1860 г. список "странных предков", приглашенных на страницы Вольной русской печати, пополняется еще одним. Сдвоенный 73-74-й лист (номер) герценовского "Колокола" содержал много статей и заметок, посвященных современному крестьянскому вопросу, тайным действиям власти, борьбе студентов за свои права - той раскаленной информации, ради которой русский читатель тайком, рискованно добывал сверхзапрещенную газету; в конце же номера находилось объявление: "Печатаются: Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы Ивана Владимировича Лопухина, составленные им самим".

ЦАРСКАЯ РОДНЯ

Лопухины стали одним из знатнейших родов России, когда юного царя Петра женили на Евдокии Лопухиной. Царица родила сына, царевича Алексея Петровича, но затем была удалена из дворца, отправлена в монастырь, прожила длинную, страшную, опальную жизнь, в заточении узнала о гибели наследника, мешавшего Петру; лишь внук Петр II освободил бабушку из монастырской тюрьмы; впрочем, она пережила и внука, умершего за год до нее, в 1730-м.

Все эти взлеты и падения, понятно, отражались на судьбе других Лопухиных. Двоюродный племянник - царицы Евдокии, Владимир Иванович Лопухин, позже станет отцом того человека, которого напечатает Герцен.

Троюродный брат царевича Алексея - Лопухин-старший многое видел и многое запомнил. Даты его жизни впечатляют: 1703 -1797. Можно сказать, что он прожил целое восемнадцатое столетие. Успел сообщить сыну разнообразные подробности восьми царствований. Петр Великий посылал его в Испанию, при Анне Иоанновне он воевал в Польше; затем под началом фельдмаршала Миниха сражался с турками; еще позже генералом - в Семилетней войне.

Этот человек видел и помнил многое, о чем не писали и с большой опаскою говорили. Уже немолодым он женился на Евдокии Ильиничне Исаевой, чьи рассказы позже сплетутся в памяти сына с отцовскими преданиями. Среди подруг матери была одна из самых замечательных женщин того времени Наталья Борисовна Долгорукая, урожденная Шереметева. Это о ней в поэме Некрасова "Русские женщины" справедливо говорится как

о предшественнице декабристок: Но мир Долгорукой еще не забыл, А Бирона нет и в помине...

Наталья Борисовна была невестой влиятельнейшего вельможи Ивана Долгорукова, но перед свадьбой тот попал в опалу. Был повод - взять слово обратно, не идти на муки вместе с обреченным женихом, но девушка настояла на браке. Вскоре она отправится с новой семьей в Сибирь; через несколько лет мужа увезут на казнь; затем Долгорукая вернется с двумя детьми, поставит их на ноги и навсегда уйдет в монастырь...

Когда у Лопухиных родится единственный поздний ребенок - сын Иван, его вскоре после рождения повезут в Киев, где доживала свои дни Наталья Долгорукая: "*Много я наслышался об ней от ее матери, которая имела честь быть ее другом*, - вспомнит позже Иван Владимирович. - *Младенцем еще бывши тогда, я помню однако ж черты лица почтенной княгини по тому впечатлению, которое величественности их свойственно производить было*".

Герой нашего повествования Иван Лопухин, явившийся на свет в 1756 г., вырастал на пересечении разнообразных, порой противоположных влияний: огромное орловское имение Ретяжи близ Кром со множеством крепостных; постоянные рассказы родителей о людях, нравах, событиях недавнего и далекого прошлого; интерес мальчика к делам военным был столь велик, что мысленно он "*водил строи и давал баталии*", а "к*ампаниями армий наших против турок войны, начавшейся в 1769 году, так горячо занимался, что несколько ночей беспокойно спал от ожидания, чем решится кампания князя Голицына под Хотиным*". "*Хотя почти уже сорок лет я не имел в руках описания действий той войны*, - говорил Лопухин на склоне лет, - *но и теперь, конечно, помню все их числа*".

Притом помнил он и другое: "*Младенчество мое было самое болезненное. Воспитан я в рассуждении тела в крайней неге, а со стороны знаний в большом пренебрежении. Русской грамматике учил меня домашний слуга; по-французски учил савояр, не знавший совсем правил языка; по-немецки - берлинец, который ненавидел языка немецкого и всячески старался сделать его мне противным, а хвастал французским: немецкие книги держали мы на столе своем для одного виду, и я, выучась только читать по-немецки, разуметь, что читаю на нем, уже научился больше, нежели через десять лет*".

От родителей ли, от учителей или от природы он был мальчиком очень добрым; всегда "*имел страсть делать удовольствие людям... будучи еще ребенком; я нарочно проигрывал мальчику, служившему при мне, деньги, какие у меня случались, и любовался его о том радостью*".

Из этого всего "в сумме" могло выйти что угодно: получился же странный, чистый человек.

Для военной службы не хватило здоровья; зато - потянуло к делам судебным, где совсем юным советником, а затем председателем Московской уголовной палаты вскоре он приобрел славу. "*Для меня сделать неправду в суде*, - писал Лопухин, - *и не спорить или не представлять против того, что мне кажется вредно и несправедливо, есть то же, что некоторым иные кушанья, которых желудок их никак не варит и которых они в рот взять не могут. Это во мне, как бы сказать, природный вкус, а не добродетель, которая должно быть действие победы над собою*". Лопухин постоянно пытался проникнуть во внутренние мотивы преступления, не допускал, чтобы "*мщение, как зверское свойство тиранства, даже каплей одной вливалось в наказание*", ненавидел смертную казнь.

Московские главнокомандующие, сначала граф Чернышев, затем граф Брюс, были очень недовольны "не по летам добрым" чиновником; к тому же вскоре стало известно о странных религиозно-философских взглядах Лопухина.

Согласно его собственным рассказам, сначала он потянулся к французским просветителям-материалистам Дидро, Гольбаху и другим. Однако мечтательность, воображение довольно скоро увлекли Лопухина в "сферы заоблачные". Он пытается соединить новейшие идеи просвещения с верой, религией и вскоре находит то, что, по его мнению, может удовлетворить все духовные запросы. Он примыкает к масонам (чаще именовавшимся в тогдашней России "мартинистами", "розенкрейцерам").

Тут позволим себе небольшое отступление. Большинство читателей имеет представление о масонах более всего по тем главам романа "Война и мир", где Пьер Безухов ищет "масонскую правду", исполняет странные, порою нелепые обряды, ведет откровенную переписку со своим духовным наставником, но в конце концов разочаровывается, находит все это глупым и ненужным.

В последнее же время в советской печати вышло довольно много работ, посвященных масонству. Признаемся прямо, что немалая часть этих трудов довольно необъективна, порою искаженно представляет суть дела. Прежде всего смешиваются воедино современное масонство и старинное, конца XVIII - начала XIX в.

Двести лет назад русское масонство объединяло преимущественно просвещенных дворян; для многих то была игра, шутовство, но не для всех. Скорее это союз людей, связанных общим членством в полулегальной ложе; здесь на равных могли встречаться лица, занимавшие разные ступени общественной иерархии, - рядовые офицеры, князья, даже члены царствующей фамилии. Неформальные связи расширяли возможности человеческого общения, очевидно, удовлетворяли потребность в таком общении. Часть раннего русского масонства играла заметную просветительскую роль. Николай Иванович Новиков и другие "мартинисты", употребляя в разговорах между собой мистически религиозную терминологию, видели цель своего объединения в филантропии, внутреннем самоусовершенствовании, просвещении; конечно, подразумевалось в немалой степени духовное, религиозное просвещение, но оно не мыслилось вне общего расширения человеческих знаний. Новиков и его друзья были, по нашим понятиям, хорошие странные люди, создавшие в Москве в 1783 -1792 гг. "Дружеское ученое общество" и "Типографское общество". Эти энтузиасты основывали школы, больницы, типографии; издали примерно треть русских книг, увидевших свет в то время. Свято, порою наивно они верили, что просветят, возвысят, спасут своих соотечественников. Вот к этим людям и примкнул юный Лопухин, пожертвовал для общего дела немалую часть своего состояния, много писал, просвещал - и был счастлив с просветителями...

Дальнейший ход событий известен: французская революция 1789 г.; перепуганная Екатерина II ищет заговорщиков у себя в стране. Просвещение, прежде поощрявшееся и сверху, теперь заподозрено. Хотя ни Новиков, ни Лопухин отнюдь не придерживались революционных взглядов, и Лопухин, к примеру, решительно не одобрял книгу Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву" (писал, что Радищев лучше выполнил бы свою цель, если бы тайно донес царице о злоупотреблениях), несмотря на все это, Екатерина II готовила расправу над московскими просветителями. Среди изданных ими книг было немало таких, которые казались "революционной заразой"; к тому же царицу пугало известное влияние Новикова и его окружения на наследника Павла.

В 1792 г. Новикова хватают, бросают в крепость, где он проведет четыре года и выйдет на волю уже человеком с надломленной психикой. Высылают еще нескольких видных просветителей, в том числе Ивана Петровича Тургенева, отца столь известных в литературе и декабристском движении нескольких братьев Тургеневых. Незадолго перед арестом Николай Иванович Новиков характеризовал Лопухина в письме к Тургеневу - "многодостойнейший" и "сердцу Вашему давно любезнейший". Угроза нависла и над Лопухиным.

"МНОГОДОСТОЙНЕЙШИЙ"

Его вызывают на допросы к генерал-губернатору Прозоровскому. Лопухин не боится; конечно, помнит о судьбе Евдокии Лопухиной, но сохраняет достоинство, готов вещать о добрых делах даже на костре.

"*Мы*, - пишет Лопухин, - *со лбу на лоб с кн. Прозоровским беседовали, по крайней мере, часов с двадцать... Долго помнил я все мои ответы, так что мог бы записать их почти от слова до слова; но я настолько устал от упражнения в оригинальном их сочинении, что очень много дней после того приняться за перо была самая тяжкая для меня работа. Заключение же вытекло из такого сильного во мне впечатления, что я никогда не мог его забыть; писав его, я подлинно плакал, обливался, можно сказать, слезами, и точно от причин, в нем изображенных*".

Говорили, будто, прочитав откровенные, возвышенные ответы Лопухина, прослезилась и сама царица.

Екатерина II решает не связываться со столь знаменитым родом - Ивана Владимировича приговаривают к ссылке в деревню, под надзор, он возражает, так как должен находиться возле престарелого отца. В конце концов его оставляют во второй столице...

Судьбы человеческие и политические причудливы: просвещенный Лопухин в конце правления просвещенной Екатерины, можно сказать - на самом пороге тюрьмы. Но вот на престоле ее сын, грозный Павел I. Начинается "непросвещенное правление". И вопреки матери объявляет амнистию Новикову, Тургеневу, возвращен из Сибири Радищев; Лопухина же не только милуют, но приглашают во дворец.

Иван Владимирович сообщает о том любопытные подробности: Павел был к нему крайне расположен, предлагал высокие должности, награды.

"*Вы философ*, - говорит Лопухину павловский камердинер и фаворит Кутайсов, - *а двора, позвольте сказать, не знаете. Теперь вам случай, я верно знаю, так много получить, как уже никогда не удастся, ежели упустите его. Ленту ли вам надобно, государь тотчас ее наденет на вас, чин какой получите. Если же вам надобна тысяча душ или больше, где вам угодно, то я берусь, по подаче вашего письма, вынести вам на то указ и позволю вам сделать со мною, что хотите, ежели тогда не исполню*". Лопухин, отказываясь, отвечал временщику: "*Придворные обстоятельства вижу тонее вашего*" (т.е. тоньше); "*Когда я сам буду просить наград не заслужа их, то я оправдаю гнев его* (Павла)".

К удивлению придворных, Лопухин идти в фавориты не соглашается. В конце концов и новый царь охладевает к странному вельможе, который не боится и ничего не просит. Его назначают сенатором в пятый сенатский департамент, находящийся в Москве.

Не проходит и нескольких месяцев, как по стране начинают расходиться слухи о необыкновенном, правдивом вельможе, который судит по правде, взяток не берет, ни перед кем не гнется... Однажды он слышит сожаления петербургского сенатора насчет суровых приговоров многим "невинным почти". "Для чего же?" - спросил Лопухин. "Боялись иначе", - отвечал он. "Что, - говорил я, - так именно приказано было или государь особливо интересовался этим делом?" - "Нет, - продолжал он, - да мы... боялись не строго приговорить и самыми крутыми приговорами угождали ему".

Лопухин: "*Мы, далекие от двора московские сенаторы, проще живем, и не отведал бы, конечно, знакомец твой кнута, если бы случилось делу его быть в пятом уголовном департаменте московском Сената. Во все царствование Павла I, во время присутствия моего в Сенате, ни один дворянин пятым департаментом не был приговорен к телесному наказанию и по всем делам истощалась законная возможность к облегчению осуждаемых*".

Любопытно, что Павел почти все московские приговоры утверждал без возражений, а два-три даже смягчил.

Когда "коллеги" выговаривали Лопухину: "*Что вы делаете, Иван Владимирович, это же разбойники, преступники, а вы смягчаете наказание*", он отвечал: "*В России всегда найдется тот, что прибавит, а вот кто же заступится, убавит?..*"

После подобных слов другие сенаторы решали, что он "тайное око" государево и специально подослан - проверить, как в Москве идут дела. "*Такое ложное заключение*, - пишет Лопухин, - *послужило однажды к избавлению многих несчастных от жесточайшего наказания. Согласились со мной раза два, три, - а там уже трудно было не соглашаться*".

После Павла I на престоле новый, более "мягкий" царь - Александр, а сенатор Лопухин не меняется.

Предоставим слово Герцену:

"*Лопухин представляет явление редкое. Тихий, честный, чистый, твердый и спокойный, он со своим мистицизмом и мартинизмом идет так непохоже, так противоположно окружающему морю интриг, исканий, раболепия, что это бросается в глаза не только генерал-губернатору Брюсу, но даже самой Екатерине, которая велит сослать его покаявшегося товарища, а его не велит; Павлу, который вынес от него два раза возражение; Александру, благодарившему его за превосходную записку о духоборцах. Советником московской уголовной палаты Лопухин начинает свою карьеру тем, что склоняет сурового генерал-губернатора по мере возможности уменьшать число ударов кнутом...*

Во всей его жизни удивительное единство, он нигде не изменяет своего нравственного склада. Молодым советником он восстает против дикого гонения Прозоровским нищих... Стариком сенатором он отвечает своим товарищам, говорившим ему часто по поводу голосов, которые он подавал, "ведь не будет же по-твоему" - "как будто надобно резать и грабить людей для того, что многие грабят и режут?"

Три царя отступили перед Лопухиным. Когда перед 1807 г., в ожидании вторжения Наполеона, император распорядился организовать местное ополчение за счет жителей, кажется, только он один решительно возразил, доказывая, что эта мера ненужная и лишь

обездолит население. Александр I благодарил "его за смелую откровенность, одновременно указывая, что сенатор касается и тех предметов, о которых "его не спрашивали".

"*Бранили меня*, - вспоминает Лопухин, - *ученые монахи, философы, политики... Бранили меня благочестивыми слывущие старцы, кои не пропускают обедней и прилежно разбирают... можно ли в постные дни чай пить с сахаром... И которые готовы без разбора подписывать людям ссылку и всякую неправду для приятеля, особливо для вельможи придворного*".

В ту пору ожидали крупных реформ в стране. Государственный секретарь М. М. Сперанский с согласия Александра I готовил сложную систему законов, которые должны были в конце концов привести к введению в стране пусть ограниченной, но конституции; пусть умеренной, но отмены крепостного права. Сперанский был в добрых отношениях с Лопухиным и не раз обращался к его уму и знаниям, хотя они во многом расходились, а Лопухин не уставал повторять, что, защищая народ от властей, жалея его, мечтая о просвещении, он все-таки против освобождения крестьян. 4 января 1807 г. Иван Владимирович написал царю: "*Я первый, может быть, желал, чтоб не было на русской земле ни одного несвободного человека, если б то без вреда для нее возможно было. Но народ требует обуздания и для собственной его пользы*".

Иначе говоря, сенатор считает, что рано, опасно еще давать волю мужикам; он советует только применять строгие меры против тиранов-помещиков...

При этом вполне умеренные взгляды Лопухина как бы оспаривались его особой репутацией. Царь, правда, дал ему высочайший чин действительного тайного советника, но прислушивался и к враждебным нашептываниям графа Ростопчина, а также других представителей консервативной знати. По их понятиям, такой человек, как Лопухин, столь рьяно ратовавший за законность и справедливость, не может не быть скрытым "якобинцем" (любопытно, что примерно такие же обвинения в эту пору были предъявлены Карамзину, тоже сочетавшему умеренно-консервативные воззрения с личной честностью и бесстрашием). Во дворец ползли слухи, "мнения" весьма важных лиц, будто Лопухин "человек самый безнравственный", что он стоит во главе "заговора мартинистов" и при случае изменит в пользу Наполеона.

Почувствовав опасность, сенатор решил изложить свой образ мыслей в мемуарах. Так были задуманы те самые записки, о которых полвека спустя будет напечатано объявление в "Колоколе".

Лопухин окончил свои воспоминания к лету 1809 г. и несколько позже так поведал о некоторых подробностях:

"*Из-за них меня пожаловали в такого самолюбца, какова-де другова и не сыщешь... Ворожили иль, прямее сказать, лихо зашептали против них некоторые, правда немногие... Один так на меня напал, с приятельскою будто кручиною, о вреде доброму моему имени, что как бы я тяжкое уголовное преступление учинил, что записки свои писал...*"

Далее следуют любопытные соображения Лопухина о русской мемуаристике вообще:

"*Ну да что за беда есть мои записки. У нас их еще почти не водится, а на иностранном языке мало ли мемуаров читаем? И сюллиевых, и тюреновых, и боневаловых* (французские

политические деятели. - *Авт.*), *и какого-нибудь шевалье Д. Интересны, прочтешь; не интересны, и в руки не возьмешь. Вот и только; не любо, не слушай. За записки без придирки можно "охотнику" побранить только того, у кого в них ложь, а в моих, право, ее ни крошечки. Но... лучше замолчать. Говоря о себе, и не услышишь, как промолвишься*".

Лопухин не писал, а диктовал свои мемуары и сам принялся за распространение. В главных архивах Москвы и Ленинграда имеется сегодня около 30 копий; очень осведомленный издатель журнала "Русский архив" П. И. Бартенев говорил, что Лопухин раздавал книжки "*все одинаковой величины, в четвертку, красивого письма*". Три копии Лопухин передал в московский архив коллегии иностранных дел. В приписке на имя директора архива Н. Н. Бантыш-Каменского находим: "*Не знаю, понравится ли Вам моя книга; впрочем, есть пословица: не любо, не слушай, врать не мешай... Я в повести о своих былях не все рассказал, однако подлинно не сказал ни одной небылицы*".

Формально записки не заключали в себе ничего противоцензурного. Тем не менее рукопись, свободно ходившая по рукам, не печаталась из-за непривычно свободной прямоты и откровенности, с которыми автор писал о своих воззрениях. И об отношениях с властями.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Когда Наполеон вторгся в Россию, Лопухин и ряд других сенаторов не хотели покидать Москвы и, подобно древним римлянам, готовы были обсуждать свои дела до того момента, когда ворвутся солдаты; генерал-губернатор Ростопчин, закоренелый враг Лопухина, однако, закрыл Сенат и, можно сказать, силою выставил сенаторов из города перед самым приходом неприятеля.

Позже Лопухин вернулся сначала в Москву, затем в родную орловскую деревню. Его здоровье слабело, но он успевал еще многим помочь. "Добрым благодетелем" назвал Лопухина молодой поэт Василий Андреевич Жуковский: то было время, когда он находился в упадке духа из-за крушения надежд на брак с любимой девушкой. Жуковский легко мог сойти с ума, погибнуть. В таком-то состоянии он пришел к Лопухину, а тот сумел с ним поговорить...

Мы не знаем содержания этого разговора, лишь кое о чем догадываемся, но без больших преувеличений утверждаем, что Лопухин спас Жуковского для поэзии, для будущих друзей, для страны.

Сохранилось еще несколько воспоминаний, авторы которых преклоняются перед личностью этого человека.

Преувеличенно восторженные характеристики отнюдь не способствовали опубликованию записок. К тому же время подобных людей и подобных идей как будто проходило. Очень многие декабристы, в их числе Пестель, Лунин, Муравьевы, вступали в масонские ложи, надеясь использовать эти организации в конспиративных целях (недавно в 1-м томе собрания сочинений старейшего советского историка академика Н. М. Дружинина (1886-1986) была переиздана его работа, посвященная "масонским знакам" Пестеля)[1].

---

1. См.: Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И. Пестеля // Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 305-329. *(Ред.)*.

Большинство первых русских революционеров разочаровалось в итоге в масонской мистике, обрядах, странных церемониях: ясное, твердое политическое мышление требовало столь же ясных, удобных политических форм. Такими формами стали тайные революционные общества, и самое раннее, Союз Спасения, образовалось в том самом 1816-м, когда не стало Ивана Владимировича Лопухина.

Правительство было напугано. Александр I, получая секретные сведения о деятельности декабристов, не шел на решительные контрмеры, но все же кое-что предпринял. Пушкин утверждал, что поводом послужила активность масонской ложи «Овидий», основанной на юге России: туда входили сам поэт и рад декабристов. Царь, сильно напуганный этим полулегальным объединением среди войск, стоящих на границе, издал указ о строжайшем запрещении в стране всяких тайных обществ и масонских лож. Это было в августе 1822 г. Революционные союзы, конечно, игнорировали царский указ: именно после него укрепляются декабристские общества – Северное и Южное.

То, что действительно сильно, не может быть опрокинуто простым официальным запретом. «*Тяжкий млат, дробя стекло, кует булат*». В тех обстоятельствах «дробящимся стеклом» стали масонские ложи. После запрета они фактически исчезают, - лишь тлеют кое-где в провинции некоторое время, выдыхаясь… Столь быстрое подчинение указу открыло, что форма, некогда процветавшая, теперь себя изжила.

С 1820-х годов до конца XIX в. русская мысль живет, развивается вне масонства. В биографиях позднего Пушкина, Лермонтова, Герцена, Толстого, Щедрина и их современников мы постоянно встречаемся с революционными, просветительскими кружками, но никакого масонства!

Позже, в конце XIX в., масонство в России вновь усиливается: теперь это преимущественно союзы крупной буржуазии, придворных кругов, создаваемые для борьбы с оппозицией – революцией…

Позднейшие русские ложи, а также современные западные (вроде пресловутой «Ложи П-2») смешивать с прогрессивным масонством пушкинского, новиковского времени – значит грубо нарушать научный принцип историзма.

Еще раз повторим, что в 1820-1880-х годах масонство в российской жизни и культуре неощутимо. Это не мешает некоторым специалистам и сегодня упорно настаивать, будто «хитрые мартинисты» лишь плотно замаскировались, что без них не обошлось и в истории гибели Пушкина, и в других известных эпизодах русского прошлого. Серьезных доказательств не приводится никаких, но само их отсутствие рассматривается как результат «масонской конспирации». Это напоминает старинный анекдот о том, как в одной стране при раскопках нашли проволоку и было объявлено, что обнаружен древний телеграф; в другой же стране при раскопках ничего не нашли, и отсюда было сделано заключение, что там в старину телеграф был беспроволочный.

СУД ПОТОМСТВА

Пройдут годы, десятилетия; имя Ивана Владимировича Лопухина все реже встречалось в книгах, журналах. Лишь время от времени добрым словом его помянут Жуковский, братья Тургеневы или прежние, доживающие век масоны.

Для таких молодых людей, как Белинский, Грановский, Герцен, Огарев, не только Лопухин, но даже Радищев и другие мыслители XVIII в. долгое время как бы и не

существовали: во-первых, старинные труды не всегда могли пробиться сквозь полицейскую цензуру; во-вторых, новейшие события – восстание декабристов, европейские революции, социалистическое движение 1830-х годов – все это затмило «стариков». Философские, политические системы XVIII столетия казались неактуальными, безнадежно устаревшими.

Но вот Александр Герцен в 1847 г. оказывается за границей, переживает страшную личную и духовную драму. После чего усиливается его интерес к российскому прошлому. XVIII столетие становится ему важнее и интереснее; однако там, за границей, трудно было получить новые факты, сведения, документы.

В 1851 г. Герцен сочиняет, а затем публикует по-французски, по-немецки, по-русски свою известную работу «О развитии революционных идей в России». В ней мы видим, вернее, физически ощущаем, сколь пристально приглядывается Искандер к тем десятилетиям, когда был еще молод его отец; как пытается отыскать там сокровенную формулу российской истории. «*Правительство*, - писал Герцен о XVIII веке, - *продолжало идти во главе цивилизации. Эта тесная близость литературы и правительства стала еще более явной во времена Екатерины II. У нее свой поэт, поэт большого таланта; полный восторженной любви, он пишет ей послания, оды, гимны и сатиры, он на коленях перед нею, он у ее ног, но он вовсе не холоп, не раб. Державин не боится Екатерины, он шутит с нею, называет ее «Фелицей» и «киргизкайсацкою царицей». Порою музы его находят слова совсем иные, нежели те, в которых раб воспевает своего господина*».

Главные слова здесь, конечно, - «*не холоп, не раб*»…

Державин, разумеется, не единственный герценовский герой из XVIII в.: названы Фонвизин, Ломоносов, Карамзин, Дмитриев, наконец, Новиков; он «*был одной из тех великих личностей в истории, которые творят чудеса на сцене, по необходимости погруженной во тьму, - одним из тех проповедников тайных идей, чей подвиг становится известным лишь в минуту торжества этих людей*». Обозначив главные идеи и перечислив несколько фигур, Герцен к нашему удивлению, ряд значительных сочинений вообще не называет.

Ни слова о замечательном фонвизинском «Рассуждении о непременных государственных законах»: оно ходило в списках по России, было известно декабристам, в орбиту же Вольной печати попадет только в 1861 г. – во второй книге «Исторического сборника Вольной русской типографии».

Не найти в герценовской работе имени Е. Р. Дашковой; ни звука о мемуарах Екатерины II, которые были известны в определенных осведомленных кругах.

Отсутствие М. М. Щербатова и его труда «О повреждении нравов в России» понятно: потаенное сочинение князя-историка было извлечено из небытия лишь несколько лет спустя. Однако наиболее заметный пробел – молчание о Радищеве!

Упомянут Герценом – да и то мельком – лишь один потаенный «мемуарист»: там, где говорится о Новикове, высоко оценивается его смелая мысль – «*объединить во имя нравственного интереса в братскую семью все, что есть умственно зрелого, от крупного сановника империи, как князь Лопухин, до бедного школьного учителя и уездного лекаря!*».

Иван Лопухин, правда, не был князем, но речь идет о нём!

Пройдет еще несколько лет, и Герцен сам же напечатает многие сочинения, о которых в 1851 г. слышал смутно или совсем не слышал:

Весна 1858 г., в одном томе – Щербатов и Радищев;

Конец 1858-го – начало 1859 г., на французском, русском, немецком, датском и польском языках – «Записки Екатерины II»;

1858 г., впервые на русском языке – «Записки княгини Дашковой» вместе с интереснейшими приложениями к ним (переписка Дашковой с Екатериной II, Дидро, Вольтером и многими другими деятелями).

В этом списке явно не хватало Николая Ивановича Новикова. Однако знаменитый журналист и издатель не оставил мемуаров.

Одним из немногих его сподвижников, успевшим сочинить записки, был Иван Владимирович Лопухин. В известном смысле он представлял на страницах вольных изданий Герцена также и своего друга-наставника. Но все же сенатор, масон был далек от революционного демократа, социалиста, материалиста Герцена.

Какие же мотивы связывали этих людей перед освобождением крестьян, против которого Лопухин возражал?!

ЛОПУХИН ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Перелистываем «Колокол» и другие вольные издания конца 1850-х годов. То тут, то там среди современных дел, как вспышки, - обращение к XVIII в., сравнение времен и людей.

Вот вспомянуты противники петровских преобразований, сторонники старины: «*Московская Русь, казненная в виде стрельцов, запертая в монастырь с Евдокией, задушенная в виде царевича Алексея, исключилась бесследно, и натянутый, старческий ропот кн. Щербатова (который мы предали гласности) замолк без всякого отзыва*».

Как не заметить, что в числе представителей Московской Руси названы близкие родственники Лопухина, царица Евдокия, царевич Алексей; Щербатов же, старший лопухинский современник, отчасти напоминал этого деятеля причудливым соединением внутреннего достоинства, политической смелости и притом защитой крепостничества и других отрицательных черт прошлого.

Меж тем в России продолжались ограничения и запреты на ряд сочинений XVIII в.; они были вызваны испугом властей тем общественным эффектом, который в 1859 г. произвела как раз публикация секретного дела царевича Алексея (в VI томе книги Устрялова «История царствования Петра I»).

15 мая 1860 г. в «Колоколе» в заметке «Новости из России» Герцен отозвался на «новости цензурные»:

«*Устрялов напугал царевичем Алексеем… А посему цензура получила строжайшее указание ничего не пропускать о лицах, принадлежащих к царской фамилии и живших после Петра, кроме, разумеется, о их высочайшей добродетели и августейшем милосердии. Например, говоря о Петре III, надо непременно упомянуть о его уме, говоря об Екатерине II, удивляться ее целомудренности, говоря о Павле, с восторгом*

отозваться о его сходстве с Аполлоном Бельведерским, говоря о Николае, упрекнуть его в мягкой кротости и излишней любви к науке».

Через месяц, в сдвоенном 73 – 74-м листе «Колокола», уже приводился точный текст высочайшего повеления об ограничении свободы исторического рассказа «*концом царствования Петра Великого*»:

«*После сего времени воспрещать оглашение сведений, могущих быть поводом к распространению неблагоприятных мнений о скончавшихся августейших лицах царствующего дома, как в журнальных статьях, так и в отдельных мемуарах и книгах*».

И в этом именно 73 – 74-м «Колоколе» объявление – «*Печатаются: Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы Ивана Владимировича Лопухина, составленные им самим*».

Понятно, эти воспоминания, касавшиеся времени после Петра, трудно проходят сквозь российскую цензуру. Еще несколько месяцев назад, 1 февраля 1860 г., «Колокол» писал: «*Нас спрашивают, получили ли мы записки кн. Ив. Вл. Лопухина? Нет, мы их не получали*». И вот текст прибыл в Лондон, примерно в начале июня.

Вопрос о том, кто доставил рукопись, пока не совсем ясен. Серьезные «подозрения» падают на Александра Николаевича Афанасьева, известного собирателя русских сказок, который много и основательно занимался XVIII веком, и в частности записками Лопухина.

Вступительная статья Герцена к «Запискам» Лопухина сопровождается подписью «И-р» (Искандер) и датой «Лондон. 22 июля 1860 года». Как обычно, Герцен завершал предисловие за несколько дней до выхода книги. 1 августа 1860 г. 78-й лист «Колокола» извещал: «*Записки И. В. Лопухина вышли. В следующем листе «Колокола» мы поместим Введение к ним*».

Действительно, 79-й «Колокол» открывался статьей Герцена «Записки И. В. Лопухина», перепечатанной из только что вышедшей книги. Руководитель Вольной печати придавал такое значение этому материалу, что, как видим, счел необходимым опубликовать его дважды, в том числе в самом читаемом русском заграничном издании – «Колоколе»…

В отделах редких книг нескольких крупнейших библиотек страны сохраняются сегодня экземпляры этого издания – «Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора Ивана Владимировича Лопухина, составленные им самим. С предисловием Искандера (Лондон, издательство Трюбнера, 1860 год)».

Знал бы сенатор, противник революций и крестьянской свободы, что первым его издателем и почитателем станет «государственный преступник», революционер…

Предисловие Герцена заняло III – VIII страницы книги. Затем следовал довольно точный текст Лопухина (за исключением нескольких опечаток и разночтений). Обе части записок (ч. 1, кн. 1-5, ч. II, кн. 6-9) разместились на 211 страницах герценовского издания. И на последней странице завещания Лопухина – с просьбой к друзьям не тратить денег на роскошные поминки, но помочь нуждающимся; не писать умершему похвал: «*Да вы и сами того не сделаете; не для того только, что я их не заслуживаю, но для того, чтобы*

не сравнять меня со всеми теми, которых хвалят. Один вздох искренней любви больше усладит мою память, нежели книга похвал, написанная рукою хладного искусства».

Старинный образ мысли, архаическая манера выражений…

ЗАЧЕМ ЖЕ?

Герцен сам отвечал, зачем ему и его читателям необходимы такие воспоминания, хотя в его предисловии подчеркнуто отрицательное отношение к «закоснелому упорству Лопухина в поддерживании помещичьей власти».

Дело в том, что, как Дашкова, как и Щербатов, Иван Владимирович яркая, самобытная, внутренне цельная личность: «*Его странно видеть середь хаоса, случайных, бесцельных существований его окружающих; он идет куда-то – а возле, рядом целые поколения живут ощупью, в просонках, составленные из согласных букв, ждущих звука, который определит их смысл*».

Живая, свободная личность, даже существенно отличающаяся своими воззрениями от потомков, - для Герцена одно из главных завоеваний русского XVIII столетия. Естественно, Герцен стремится ответить на вопрос: откуда же в ту пору брались подобные люди, как умели выделиться из косного большинства?

«*Из пенящегося брожения столбовых атомов, тянущихся разными кривыми линиями и завитками к трону и власти, Лопухин был выхвачен своею встречей с Новиковым, своим вступлением в мартинисты. Ими пустое брожение, покорное стихийным силам, старалось вынырнуть, схватить в свои руки свою судьбу. Удачно ли или нет – все равно. Присутствие стремления и силы было неотразимо*».

Стремление и сила…

Через 104 года после рождения, через сорок четыре года после кончины Иван Владимирович Лопухин неожиданно вернулся.

Принят же он был по-разному: не все согласились. Такая уж судьба была у этого человека – и в жизни, и в смерти.

СПОРЫ

Вскоре после герценовского издания «Записки» Лопухина[2] наконец вышли и в самой России.

Признавая их историческую ценность, некоторые весьма и весьма достойные авторы (А. Н. Пыпин, Я. Л. Барсков) все же не находили того, что видел Герцен, - ценности современной.

Однако в 1895 г., через 35 лет после первой публикации «Записок» Лопухина, о них высказался крупнейший русский историк Василий Осипович Ключевский:

---

2. Отрывки из «Записок» И.В. Лопухина впервые в России были напечатаны в журнале «Друг юношества» (1812. Январь. С. 6-52; 1813. Март. С. 3-6) и в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (1832. № 40. С. 318-319). *(Ред.).*

«*Чтение… доставляет глубокое нравственное удовлетворение: как будто что-то проясняется в нашем XVIII веке, когда всматриваешься в этого человека, который самим появлением своим обличает присутствие значительных нравственных сил, таившихся в русском образованном обществе того времени… Когда мы читаем о подобных пароксизмах совестливой мысли, может быть, мы впервые застаем образ русского человека в минуту тяжкого раздумья, какое ему не раз пришлось и не раз еще придется переживать впоследствии*».

Герцен и Ключевский жили в разные эпохи, взгляды их во многом не совпадали; оба были историками-художниками, о прошлом они глубоко размышляли, тонко его чувствовали. Их мысль одновременно проста и нелегка: да, такие люди, как Лопухин, очень не похожи на нынешних, многие их взгляды, например на крепостное право, принадлежат к «предрассудкам» давнего времени.

Однако свободный, хороший человек, - пусть по иному свободный, чем потомки, - личность, сумевшая не раствориться среди множества «согласных»: такая личность – одно из главнейших приобретений любой цивилизации; ее надо беречь.

Людей вроде Лопухина было в XVIII столетии мало; в следующие эпохи – больше… Но никакие завоевания освободительной борьбы не могут быть гарантированы, если не опираются на значительное, весомое число внутренне свободных или освобождающихся людей.

Очень непохожие дед и внуки сходились в немногом, но самом важном – в тяжком, честном раздумье.

«*Я убежден, - восклицал Герцен, - что на тех революционных путях, какими мы шли до сих пор, можно лишь ускорить полное торжество деспотизма. Я нигде не вижу свободных людей, и я кричу: стой! – начнем с того, чтобы освободить самих себя…*»

Вот почему не забывать Лопухина просят потомков Жуковский и Герцен, Афанасьев и Ключевский…

1986 год.

230. Иван Владимирович (181).
(номер перед именем соответствует номеру в родословии из книги 2021 г., где приведено подробное жизнеописание, в скобках указаны ссылки на источники).

Выдающийся общественный и государственный деятель, действительный тайный советник, сенатор, философ, публицист, издатель (**184**; **208**; **245**; **336**; **628**; **697**).

Родился 24.02.1756 в родовом поместье — селе Ретяжи Кромского уезда Орловской губернии, скончался там же 22.06.1816 и был погребён в фамильном склепе (**589**).

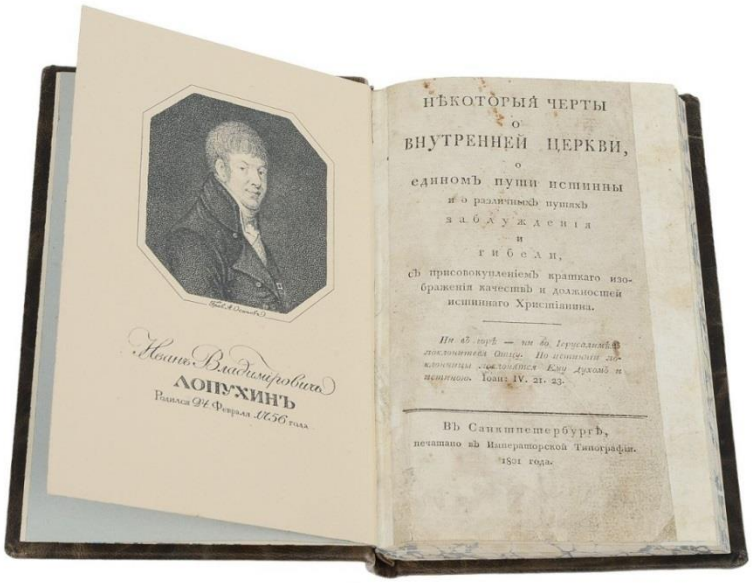
Записан в гвардию в младенчестве (в 1756 г.).

В 1782 г. произведён в полковники и перешёл на статскую службу советником, а затем **в 1784 г. председателем Московской губернской уголовной палаты.** В 1785 г. в чине статского советника ушёл в отставку. В судейскую практику внёс взгляд на исправительное значение наказаний и боролся за их умеренное применение.

С 1782 г. стал одним из организаторов, теоретиков и активных деятелей масонских организаций сначала в Москве, а затем и в других городах. Следующее десятилетие стало эпохой московского розенкрейцерства и вместе с тем временем расцвета деятельности и дарований И.В. Лопухина (**385**; **472**). В это время он стал великим мастером нескольких масонских лож (**348**; **349**).

Он перевёл на русский язык целый ряд масонских произведений, создал типографию и **издал множество** прогрессивных для того времени философских, теологических и правовых произведений, **включая и свои собственные** (**285; 286**). Помогал бедным, участвовал в организации школ, аптек, больниц. А.И. Герцен потом напишет о нём:

«Его странно видеть середь хаоса, случайных, бесцельных существований его окружающих; он идёт куда-то — а возле, рядом целые поколения живут ощупью, впросонках, составленные из согласных букв, ждущих звука, который определит их смысл» (**697**).



С 1792 г. правительство стало преследовать масонов, запретило работу типографии. Некоторые руководители лож были арестованы и заключены под стражу, других сослали в их вотчины. Лопухин ввиду заслуг его престарелого отца должен был отправиться в ссылку, при этом значительная часть его имущества была конфискована. Однако затем ему было разрешено проживать в Москве под строгим надзором.

В ноябре 1796 г. Императором стал Павел I, который отменил большинство карательных мер по отношению к масонам. И.В. Лопухин был **назначен статс-секретарем при Императоре и получил чин тайного советника.** Однако Иван Владимирович сохранил независимость в суждениях и не боялся возражать Государю.

08.11.1798 назначен сенатором в Москву, награждён орденом Святой Анны 1-й степени.

В качестве сенатора И.В. Лопухин продолжал придерживаться прежних гуманных взглядов. По долгу службы он должен был проводить ревизии губерний и в работе всегда был справедлив, чем оставлял о себе добрую память (**589**).

Иван Владимирович поддерживал дружеские отношения с известным государственным деятелем того времени М.М. Сперанским (сохранилась их переписка — **288**).

Был дружен с митрополитом Московским и Коломенским Платоном (Левшиным). В 1780 г. пожертвовал свою усадебную церковь в селе Савинском во имя Преподобного Сергия Радонежского, построенную его прадедом и возобновлённую отцом, Николо-Берлюковскому монастырю.

Особо следует отметить деятельность Ивана Владимировича по защите духоборов на Украине и работу **в Крымской комиссии, за которую он был произведён в 1807 г. в действительные тайные советники.**

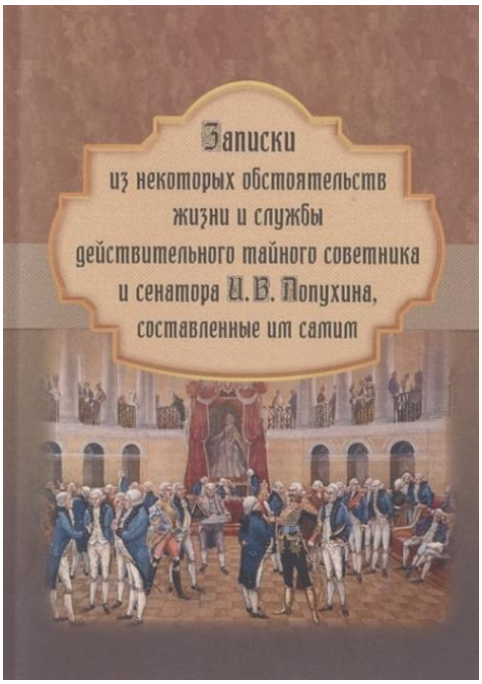
Пользовался доверием Императора Александра I, который даже предполагал сделать его министром народного просвещения.

12.12.1809 пожалован орденом Святого Благоверного Князя Александра Невского.

Во время Отечественной войны 1812 г. он по поручению Александра I занимался организацией земского войска. После завершения войны окончательно ушёл в отставку.

Из его наследия наиболее известны мемуары **— «Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим», которые он надиктовал в 1809 г.** Впервые

опубликованные в 1860 г., они являются памятником литературы XVIII в., их переиздают и в наше время (284). Об их значении высказался крупнейший русский историк В.О. Ключевский: *«Чтение ... доставляет глубокое нравственное удовлетворение: как будто что-то проясняется в нашем XVIII веке, когда всматриваешься в этого человека, который самим появлением своим обличает присутствие значительных нравственных сил, таившихся в русском образованном обществе того времени... Когда мы читаем о подобных пароксизмах совестливой мысли, может быть, мы впервые застаём образ русского человека в минуту тяжкого раздумья, какое ему не раз пришлось и не раз ещё придётся переживать впоследствии»* (229).



В.О. Ключевский так охарактеризовал И.В. Лопухина: *«С умом прямым, немного жёстким и даже строптивым, но мягкосердечный и человеколюбивый, с тонким нравственным чувством, отвечающим мягкому и тонкому складу его продолговатого лица, вечно сосредоточенный в работе над самим собой, он упорным упражнением умел лучшие и редкие движения души человеческой переработать в простые привычки или ежедневные потребности своего сердца»* (227).

Известный литератор А.Ф. Воейков говорил о нём: *«Иван Владимирович Лопухин принадлежит к тем людям, коих память воскрешает в душе сладкое и тихое чувство умиления любви, а не удивление страха. Имя его произносится с благословением, с признательностью, со слезами. Он всему на свете предпочитал добродетель; его жизнь — непрерывная цепь благотворений».*

Память об И.В. Лопухине хранит усадьба в Старосадском переулке в Москве.

В своей родовой вотчине Савинское Богородского уезда близ Москвы, которая принадлежала его дедам и прадедам, Иван Владимирович, возведя в 1797 г. вместо прежней деревянной каменную церковь Рождества Богородицы, создал усадебный ансамбль с известным медитационным философским парком (**55**; **157**; **171**; **191**; **399**; **418**; **479**) (сохранился лишь липовый парк с прудами — **682**).

В другом родовом имении, в селе Ретяжи Кромского уезда Орловской губернии, недалеко от храма Воскресения Словущего, построенного его отцом, он воздвиг монумент, состоявший из нескольких больших гранитных камней с надписью: «Благочестию Александра I и славе доблестей русских в 1812 г.». Это был первый памятник в честь Отечественной войны 1812 г. Дорожка от него вела к двум камням, лежавшим на берегу пруда. Один из них был обработан в виде кресла с надписью: «19 марта 1814 года взят Париж» (**488-а**).

Портрет И.В. Лопухина кисти Д.Г. Левицкого хранится в Третьяковской галерее (**79**), там же находится его миниатюрный портрет, созданный неизвестным автором в конце XVIII в.

Погребён в фамильном склепе в селе Ретяжи.

О нём см. главу «Рыцарь ордена «Златорозового креста» - стр. 328-349 и строки из его трудов - стр.707-719 **в книге Б.П. Краевского «Лопухины в истории Отечества».**